Раннее утреннее солнце заливает Кохону теплым светом, проникая сквозь него и лаская ее, чтобы она проснулась вместе с новым днем. Ее глаза открываются, и перед ней открывается вид на мирную деревню, птицы поют свои радостные песни, а через открытое окно доносится беспорядочный гул разговоров, мягко уговаривающий ее встать с постели. Она нежно улыбается такому прекрасному утру и надеется, что сможет просыпаться так каждый день до конца своих дней.

Приподнявшись в постели, она услышала тихий стук во входную дверь. У нее не было с собой лишней одежды, поэтому она спала в одних трусах и, накинув на себя простыню, пошла открывать дверь. Она еще не ходила по магазинам, решив, что это будет ее целью до конца дня. Она распахнула дверь и заглянула в образовавшуюся щель. В дверном проеме стоял вчерашний шиноби в маске и улыбался.

"Привет", - бодро сказала она, даже будучи в состоянии грогги.

Его смутило это приветствие, но он решил, что она просто странная. Он почти не замечает, как она прижимает к груди простыню и как сквозь свободную ткань проглядывает ее обнаженное бедро. Он прочищает горло и благодарит Бога за то, что его лицо закрывает маска.

"Хокаге просил вас присутствовать. Я здесь, чтобы сопровождать вас", - сухо говорит он.

Она взволнованно кивает: он сказал ей, что придет вчера, так что это не было неожиданностью, но его приход означал, что все готово к экзамену на джоунина. "Я переоденусь. Подождите секундочку!"

Она бежит в спальню, забыв закрыть входную дверь. Она сбрасывает простыню и накидывает единственную одежду, которая у нее есть. Черная майка без рукавов, облегающая фигуру, создает ощущение комфорта, обтягивая ее торс, в сочетании с мешковатыми брюками-карго, красиво облегающими ее изгиб фигуры. Она пристегивает ремень по диагонали на груди, поворачивая его, чтобы под сумки были доступны за спиной и в то же время не бросались в глаза спереди. В большинстве случаев это помогает ей выглядеть беззащитной женщиной, а также добавляет остроты ощущений от осознания того, что она обманула свою жертву. Затем она застегивает второй пояс на талии и надевает прочные, но легкие боевые ботинки, плотно зашнуровывая их. Дважды проверив, что все оружие на месте, она поспешила к входной двери, где ее терпеливо ждал шиноби.

Заметив ее приближение, он молча уходит, оставляя Кацумэ следовать за ним. Она легкой трусцой бежит рядом с ним. "Что-то ты сегодня тихий", - шутит она.

Мужчина забавно хмыкнул, продолжая идти бодрым шагом: "Я всегда тихий".

Она хихикает, переплетая пальцы за спиной и потягиваясь. "Если я правильно помню, это вы вчера завели со мной разговор", - ухмыляется она, глядя на его знакомую кошачью маску. Озорной блеск в ее глазах был приятным контрастом по сравнению с тем, какими пустыми они были накануне вечером, и он мог оценить эту приятную перемену.

"Тонкая улыбка дрогнула на его губах.

Она улыбнулась, затем вспомнила о своем откровении накануне: "Эй, вы случайно не знаете, куда они увезли мою лошадь? Мы разделились по прибытии в деревню". Высокий мужчина на мгновение задумался. Он вспомнил, как несколько джонинов за несколько дней до этого восклицали друг другу, что захваченная ими лошадь исчезла в воздухе. Ему показалось это странным, но он списал это на странную инсценировку того, что лошадь просто сбежала.

"Большая черная лошадь, верно? Он исчез вскоре после того, как его отвели в конюшню. Хотите, я найду его?" Это, конечно, не входило в его обязанности, но он был бы не против помочь ей, если бы это было необходимо.

Кацумэ срочно замотала головой: "Нет, но спасибо. Если его нет, значит, он вернулся на равнину Сидзука", - она опасается, что он может запутаться, поэтому решает рассказать подробнее: "Лошадь - вызванное животное, она и ее вид обитают на равнине Сидзука. Я рада, что он вернулся. Я опасалась, что он мог остаться из вредности, чтобы отчитать меня за то, что я о нем забыла". Она нервно смеется, возблагодарив небеса за то, что Даку решил хоть раз дать ей поблажку.

Он понимающе хмыкает. Правда, одна вещь заставила его усомниться: вызов требует огромного количества чакры и контроля, особенно для животного такого размера, но в женщине он чувствовал лишь следы. Он задался вопросом, использует ли она маскировку чакры или просто является уродом природы. Хотя, учитывая, кто ее родители, он не удивился бы ни тому, ни другому.

"Ну, значит, вам повезло. Похоже, лекция была вполне заслуженной", - смеется он, когда она задевает его руку, - "Эй, мы не так уж близки! Нельзя же так набрасываться на людей!"

Она удивлена, что он перестал быть таким тихим, и наконец-то слышит в его голосе личность, а не монотонного человека-робота. Она улыбается ему: "Правда? Я уже начала считать вас своим другом".

"Тогда, я бы сказал, что ваши стандарты дружбы сомнительны", - сардонически смеется он.

Она закатывает глаза: "Мой лучший друг - лошадь, так что мои стандарты не очень высоки". Она игриво ударяется плечом о его руку: "Повезло тебе".

Он смотрит на нее с небольшой улыбкой: "О да, мне повезло". Его тон был саркастическим, но в глубине души он полюбил эту женщину. Она напоминала ему кого-то особенного. Ее улыбка, казалось, делала все вокруг светлее, несмотря на слепящее солнце летнего дня, а ее естественный общительный голос заставлял его чувствовать, что они дружили всю жизнь. Все это влекло его к желанию проводить с ней больше времени при любой возможности, и он не мог остановить это желание. Все в ней было так необычно для него.

Они входят в кабинет Хокаге, слегка посмеиваясь над тем, что сказал Кацуме. На них смотрят три знакомых лица: Цунаде, Джирайя... и, наконец, Какаши Хатаке. Цунаде скептически смотрит на Джирайю, на лице которого застыло веселое и нескрываемое выражение. Анбу-шиноби кивает в знак приветствия джонину и кланяется.

Кацумэ оторвала взгляд от отца и посмотрела на джоунина, с которым познакомилась накануне. Вспомнив их короткое общение, она мягко улыбнулась ему в знак признания его присутствия. Ничего особенного в этом не было. Фейерверки не взрывались, когда их взгляды встречались, и у нее не было туннельного зрения, как будто они были единственными двумя людьми в мире, как это описывается в романтических романах. Все было нормально. Он просто мужчина, которого она встретила. Но она не могла избавиться от ощущения, что этот человек сыграет важную роль в ее жизни. Хорошую или плохую, она не знала, и это ее тревожило.

Его глаза не отрывались от ее глаз; даже когда ее взгляд казался далеким, он любовался ею. Ее глаза были подобны почве самой богатой земли, но когда утренние лучи проникали в них,

они сияли ярче и теплее, чем все, что он когда-либо видел. Они словно вбирали в себя каждую каплю солнца, превращая их в золотистые лужицы меда... потом в розовые. Подождите, розовый? Он был не в ее глазах, а на яблоках щек, по переносице и кончикам ушей.

Она сказала что-то неловкое? С чего бы ей краснеть? Здесь тепло? Почему она так смотрит на меня? О. Боже. Боже. Нет. Я что, все это время на нее пялился?!

Какаши резко прочистил горло и перевёл взгляд на Хокаге и Учиха Джирайю, попросивших его присутствия, под маской которого горела кожа. Кацумэ сделала то же самое, снова встретившись с вызывающим взглядом отца.

Что это было? подумали они в унисон.

Цунаде перевела взгляд с одного человека в комнате на другого и прочистила горло: "Итак, Кацумэ, документы поданы, и ты официально являешься гражданином Деревни, Скрытой в Листве". Цунаде обращается к Какаши: "Я хотела бы получить твой отчет до вечера. Если вы решите, что вам нужно больше времени, чтобы полностью оценить ее навыки, то у вас есть для этого вся оставшаяся неделя". Какаши посмотрел на Кацумэ: она снова смотрела куда-то вдаль, но выражение ее лица было решительным, в янтарных глазах горел огонь.

Он кивает в знак понимания: "Конечно, Леди Пятая. Я благодарен вам за доверие". Он поклонился, когда она отстранила его, и бодро зашагал к двери.

Кацумэ отключилась, решив доказать свою правоту, заставить Старую Летучую Мышь гордиться своими навыками, которые она годами вбивала в нее. Выйдя из этого состояния, она заметила, что Какаши уже наполовину вышел из двери: "О... точно!" Она повернулась, чтобы догнать его, но обнаружила, что ее остановили на полпути, нежно, но напряженно держа за предплечье. "Будь осторожна... пожалуйста". Глаза матери, опасавшейся за ее безопасность. Это было отвратительное зрелище. Вырвав руку из ее хватки, она с отвращением смотрит на нее.

Повернувшись к отцу, она заметила то же выражение лица, что и у матери, но оно произвело на девушку обратный эффект. Она не хотела волновать его. Она хотела показать ему, насколько она сильна. Увидеть, как гордость озаряет его черты. Не обращая внимания на мать, она поднимает вверх большой палец и улыбается знакомой наглой улыбкой, напоминая ему его молодые годы, когда он отчаянно пытался показать себя тем, кем восхищался. Он улыбается ей своей фирменной улыбкой.

Постарайся, мини-я.

Когда солнце достигает своей вершины, оно обрушивается на жизнь вниз. Яркое и безжалостное в те часы, когда неуловимые тени в страхе замирают. Самое неподходящее время для фальшивой битвы. Она уже была облита потом с ног до головы, что сильно сдерживало ее волнение. Выйдя из кабинета Хокаге, Какаши Хатаке в полном молчании направился к тренировочному полю.

Однако она была благодарна ему за ленивый шаг, весьма противоречащий тому, который он задал, находясь в особняке. Она пришла к выводу, что его профессионализм следует принимать за чистую монету, что было забавным открытием. Она оценила его спокойствие. Он, волоча ноги, читал маленькую оранжевую книжку, смакуя страницы и погружаясь в мирное блаженство. Она, как любительница книг, прекрасно понимала это чувство. Старая Летучая

Мышь не была особо образованной, но всегда находила для Кацумэ книги всех жанров, считая, что чем больше та читает, тем меньше ей приходится учить. Ей нравилось, когда Кацумэ погружался в реальность, столь отличную от ее собственной. Она не смела его беспокоить, поэтому тихо шла, сцепив руки за спиной, любуясь архитектурой, негромкими разговорами и смехом играющих детей.

Какаши оглянулся, чтобы убедиться, что она все еще идет следом, но то, что он увидел, заставило его отвести взгляд. Легкий ветерок трепал ее снежные волосы, солнечные лучи создавали идеальный ореол, переливаясь на шелковистых локонах. Она смотрела на блаженную деревню с выражением полного обожания, словно никогда не видела ничего прекраснее. Эти янтарные глаза были словно медовая ловушка для его взгляда. Он неохотно вернулся к своей книге, и она снова поймала его на этом.

Заблудившись в красоте деревни, которую она теперь может назвать своим домом, она падает назад, натолкнувшись на что-то большое и крепкое. Рука надежно обхватывает ее туловище, удерживая равновесие.

"Тебе действительно следует больше внимания уделять своему окружению", - его голос был низким и успокаивающим.

Она нервно хихикнула. "Думаю, именно это меня и подвело", - говорит она, одаривая его невеселой улыбкой.

Он отпускает свою крепкую хватку, отступая на значительное расстояние.

Просторное поле, окруженное густыми деревьями, показалось ей раем. Здесь было так много места, что она наконец-то могла оторваться по полной. Бесценная возможность.

Какаши понял, что ему следовало бы придумать специальный способ оценки ее способностей, но, имея так мало информации о ней, он решил действовать наобум. Конечно, доверие Хокаге и Учиха Джирайи к нему просто позорно. Он мог бы просто использовать тест с колокольчиком, но так как он предназначен в основном для командной работы, то в данном случае он бы не сработал.

Мысль о том, что придется сражаться с дочерью мастера Джирайи, слегка пугала, но, судя по тому, что она излучает так мало чакры, удивительно, зачем ей понадобилось становиться джоунином. Эти двое могли хотя бы что-то рассказать ему о ней. Возможно, она не умеет делать ни одного дзюцу, насколько он знает. Мастер Джирайя считает, что именно он подходит для этой работы, поэтому он выполнит ее, какой бы ничтожной ни была задача. Он вздыхает, жалея, что не отдал единственное свободное время от своих буйных учеников на проверку какой-то куноичи.

Она может быть сколь угодно красивой. Она не получит бесплатного пропуска.

"Начнем с тайдзюцу, рукопашного боя, а дальше пойдем", - сказал он громко, чтобы она слышала на расстоянии.

"Я прекрасно тебя слышу. Не надо кричать", - сказала она с нарастающим раздражением. Может быть, она сама навлекла на себя это, нарочно выставив себя беззащитной, но, черт возьми, она терпеть не могла, когда ее принижали. Господи, за какую дуру он меня принимает? "Давай покончим с этим. Я голоден".

Какаши был слегка ошарашен. До сих пор ее отношение к нему было нейтральным, если не

сказать радостным, но сейчас она выглядела совершенно иначе. Может, он что-то не так сказал? Неважно. Возможно, она пытается привести себя в определенное состояние. Он мог это понять. Он встал в боевую стойку, полностью готовый принять все, что она может бросить в него.

"Хорошо, отдай мне все, что у тебя есть".

"О, поверьте мне, - ухмыляется она, - я это сделаю".

<http://tl.rulate.ru/book/95482/3248895>